

Впервые я посмел назвать себя писателем, русским писателем, если быть точным — невеликим русским писателем, на Афоне. Ноябрь 2007 года, Святая гора Афон, Иверский монастырь.

Первозданная тишина, воздух, исполненный света и солнца, древние стены монастыря, лимонная роща, зеленая и золотая, неведомые птицы, говорят на своих голосах, но у каждой звучащей нотки свое место, настолько, что все вместе они почти создают, как мозаикой, видимый образ Тишины. Вратарница — Образ Пресвятой Богородицы, Иверская Икона Божией Матери, не вы будете хранить Меня, но я вас... и не оскудеет обитель.

Щедрость Любви, Иверский монастырь, есть море, и небо, и Солнце, и горы вокруг, и камень стен, камушки и камни прибрежной линии. Здесь Божия Мать впервые коснулась Пречистой Ступней тверди Афона, коснулась, и в тот же миг разрушились, пали все идолы. На берегу Иверского монастыря нельзя, невозможно стоять человеку, и я замираю в Страхе Божьем: сейчас неизбежно рассыплюсь на части, сам себя созидающий как идола себе, кто я на Святой кромке Афона — идолище поганое, и не более того, сейчас получу по заслугам. Но происходит обратное, мое разрушенное идольское существо вдруг начинает собираться в целое Божьего замысла обо мне. И я собран как в миг рождения, я жив, и мир, бытие восхищено Любовию. Значит, это все правда. Любовь — больше. Видимый мир, стены монастыря, и я касаюсь стен монастыря губами, целую стены, безотчетно, потому что не умею жить в Любви, не знаю, что делать. Целую стены монастыря и понимаю, что иду сердцем безотчетно следом за мамой моей. Мама моя, возвратившись домой, после долгой, пространством в жизнь и смерть, раз-

луки с Кубанью, рано до света еще, но накануне света, возвратилась и от железной дороги, от вокзала прошла к храму святой Екатерины, главному Собору Екатеринодара, Сердцу Кубанской земли. Прошла, но закрыты врата, а хмурый служитель молча открывает их, и по всему видно, что он не должен этого делать, но открывает, потому что не открыть не может. И мама моя, легко и тихо, так же вот, может, как рассвет сейчас просачивается сквозь ночь, еще не касаясь земли, но касается древних стен Святой Екатерины, губами касается, целует стены, и слезы мамыны от щек ее теплят чисто, капельками (сколь же малыыми — слезками), но омывают камень. Так и я — молитва матери, мамина молитва, со дна моря житейского, восхитит меня на Берег, на Камень Афона, и тихо поднимет меня губами к Иверским стенам — целуй, сыночек...

Так, целованием, дойду удивительно до келии, золотой от солнца, протяжной, и легкой, и стремительной, так кажется, как ладья по сине морю, и полным-полна сокровищ сказочных — и Лики, Лики в Сиянии Славы, и Кресты, какие только есть, — и малые, в камнях драгоценных, и строгие тихие, но какие же — не поднять, не примерить, сил таких не дано мне, человеку. И запах ладана паче света. Разбежались бы глаза, убежали от таких щедрот, да — замирают... Дышу только да поворачиваюсь, как бокастый шар земной вкруг своей оси, и — опешил, хотя, казалось, некуда опешивать, но оставил Господь толику и для последнего восторга. На корме сокровишной ладьи сидит Кормчий (какой!): сам — гора, облачение черное и седина, белая-белая, легкая-легкая, как воздух, я и не знал, что такая бывает, борода чуть не до пояса, а волос, как пушинки, невесом, так и парит, кажется, над рясой.

Кормчий, дедушка-богатырь, в Бога богат.

Дальше – больше, мы с ним говорить начинаем. Какой язык? Английский мой – в объеме кандидатского минимума, от которого один минимум и есть, греческий, который меня знает больше, чем я его, русский... Не знаю, языками мы говорили, вот и все, причем я его понимал, и он меня, я уверен, тоже. Дивная речь, слова незнакомые, дивные, смысл удивительный, и от меня и от него слово к слову, как мозаика, образ малый. Строй тот мне не сбересть, научусь так и, правда, русским писателем стану, а пока – практикант, на практике.

Узрел монаха, кланяюсь, здороваюсь, крестное знаменье кладу, слышу:

– Откуда ты?

– Россия... – осеняю себя этим Именем с Крестным знаменем вместе, одновременно... Россия... как же поднимает душу великое это Имя, как надо Благодарить Бога за одну только возможность и право от рождения произносить это имя Родины – Россия, как же беречь надо себя, право это в себе...

– Россия, – и он повторяет. Гора в черном облачении шевелится, и пух седины взлетает, начинает парить вокруг... – Россия, – повторяет он вновь, словно пробует на вкус, бережно, осторожно... Он тоже кладет крестное знаменье на себя, сама гора остается недвижима, а только троеперстие невесомо обозначает Крест... – Я люблю Россию, – говорит он... словно не мне, Богу говорит, самой России... Ладья замерла, сокровища притихли, солнечно, тихо... Россия, война, великая война, я – война... Псков, Смоленск, Одесса, Мариуполь... и снова Тишина, молчание большое, такое, что в нем стихает война, потом мир... Все стихает, остается Бог, Россия, Любовь... Остается – я люблю русскую литературу... Достоевский, Толстой, Пушкин...

...Что вдруг происходит со мной, я перебиваю, себя, его, родную речь, все языки мира перебираю

и, как-то составляя слова, буквы, словно азбуку твою, и тут же на ней говорить пытаюсь. Я невеликий русский писатель, я тоже – есть, я есть – невеликий русский писатель... Примерно так можно перевести на русский письменный то, что прозвучало во мне тогда на Афоне, в сокровищнице Иверского монастыря.

Дедушка-богатырь потом еще подарил мне несколько Иконок, они были маленькие, в целлулоиде, но в каждой из них ожидала моего свободного выбора удивительная история, возможная в моей жизни, и две из них стали возможны, пока две...

Вот так было это событие. Выпалил: русский писатель, а сейчас сбываться надо, вслед за событием – быть, и соответствовать, и отвечать.

Сбываться, именно. Я пока – лишь Божье намеренье. Намеренье должно становиться и стать мерой, это мой труд, моя ответственность перед Богом и русским народом. Где русский народ и кто такой я? Это не важно, сбудься, исполни Божие намерение, и в тебе – сбудется русский народ. Как же не ошибиться? Сбыться, а не сбиться, как? Русская Православная Церковь, Исповедь и Причастие – удержат тебя на жизненных тропах. В пропасть уже полетишь, ан нет. За шиворот удержит тебя кто? Батюшка, священник Русской Православной Церкви, невысокий, седой, батюшка, в возрасте уже, а держит тебя, толстяка, душой заскорузлого, жиром греха заплывшего, на вытянутой руке над пропастью прямо, держит и не отпускает. Как это так – в тебе же грехов больше, чем миллиграммов в килограмме, и грех каждый весом в сотню пуд, а батюшка – держит тебя над пропастью за шиворот, как пушинку немысленную, держит... Богатырь, что ли Батюшка? Богатырь и есть, в Бога богат Батюшка. Богатыри на Афоне только, думаешь? Не копи деньги, беги бегом до ближайшего Храма Православного, к Исповеди вставай, здесь – Начало. Дальше шаг за шагом, вы-

ведет Господь, увидишь все здесь, дома у себя, все, что к твоему Спасению уготовано – рядышком, в Православном Храме ближайшем. Удержит меня Батюшка – повиси над бездной, поболтай ногами, как языком всю жизнь болтаешь. Потом возвратит на твердь, посмотрит внимательно, скажет: «Не колобродь, может, и поживешь еще маленько...» И вот живу – маленько...

Мой век, моя эпоха, время потери границ. Всемирное, Всечеловеческое стало внешне донельзя просторно. На самом деле это обман зрения, обман души, Вселенная расширяется только во Христе, в Пресвятой Троице, а Православие – это константа: удержишься и – не обманешься. Будешь видеть все, как есть, в Действительном Свете. Пространство мира земного, пространство жизни человечества сужается вне Христа, теряет Любовь, перестает быть пространством, плоскость уже, а на плоскости – все можно, все вмещает плоскость, говорит всемирное, а вмещает антимирное; говорит; всечеловеческое, а вмещает античеловеческое... Что ж, Федор Михайлович, приехали, похоже, со всемирным? Сами что думаете? Константин Николаевич вроде как трезвее увидел, предвидел... Писатель на плоскости вмещает антиписателя, литература – антилитературу, и даже Христианство на плоскости вмещает себя антихристианство. Больше скажу, антихрист тогда придет, когда весь мир, человечество, свободным выбором согласится с тем, что земное пространство, пространство жизни, шар земной – есть плоскость на трех китах, сочтет китов этих – алчность, бесполость, безобразность.

Пресвятая Троица, Христос – не вмещает и не вместит антихриста. Вот Отсюда и надо возвращаться, от Христа, идти ко Христу, восстанавли-

вать смыслы, держаться – в Пресвятой Троице – Трехмерной системе координат.

Вера – Православная Вера, Православный Символ Веры.

Церковь – Русская Православная Церковь.

Литература – Русская литература.

Писатель – русский писатель, писатель Русской литературы.

Все это вместе и есть высшая мера моей земной жизни. Высшая мера – дарована мне от Бога, открыта мне Светом Православия и явлена мне как опыт земной жизни Русской литературой. Свободным выбором выбрана мной Высшая Мера, но сам я пока лишь намерение... ■

**15 февраля 2014 года,
праздник Сретенья Господня**